

Оглавление

От издателя	7
Благодарности	9
Введение	11

Часть I САМОЕ ГЛАВНОЕ

Глава 1. Дары собственности	17
Глава 2. Собственность, право и экономика	33

Часть II ПРОБЛЕМА БЕЗБИЛЕТНИКА

Глава 3. Самонадеянность Платона: собственность в Джеймстауне и Плимуте	53
Глава 4. Логика коллективной собственности	67

Часть III РИМСКОЕ И ОБЫЧНОЕ ПРАВО: ОТ СТАТУСА К КОНТРАКТУ

Глава 5. Римляне и сельские жители	87
Глава 6. Англия впереди	107

Часть IV ОТ СВЯЩЕННОГО ДО НЕЧЕСТИВОГО

Глава 7. Недосмотр экономистов	133
Глава 8. Милль, Маркс и Маршалл	151

Часть V НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Глава 9. Триединое зло по Роберту Оуэну	173
Глава 10. Советский эксперимент	189

Часть VI
ПРАВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

- Глава 11. КАЖДОМУ ПО ДЕЛАМ ЕГО 213
Глава 12. ПРАВА И ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ 231

Часть VII
АМЕРИКАНСКИЙ ДВОЙНОЙ СТАНДАРТ

- Глава 13. ПОЧЕМУ РАЗВИТ НЕ ВЕСЬ МИР? 255
Глава 14. ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА: ЭКСПОРТ СВОБОД 275

Часть VIII
ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ

- Глава 15. СОБСТВЕННОСТЬ В АРАБСКОМ МИРЕ 305
Глава 16. ПОЧЕМУ ГОЛОДАЛА ИРЛАНДИЯ? 329

Часть IX
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Глава 17. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ 351
Глава 18. СОБСТВЕННОСТЬ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА 369

Часть X
ВНУТРЕННИЕ ПРОБЛЕМЫ

- Глава 19. СОБЛАЗН ФЕОДАЛИЗМА 397
Глава 20. НОВОЕ ОТКРЫТИЕ СОБСТВЕННОСТИ 421

Часть XI
НОВОЕ НАЧАЛО

- Глава 21. КИТАЙ, СОБСТВЕННОСТЬ И ДЕМОКРАТИЯ 443
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 463

От издателя

Книга Тома Бетелла «Собственность и процветание» открывает новую серию «История», которая будет выходить в рамках издательско-образовательного проекта издательства ИРИСЭН. В исторической серии мы планируем знакомить русскоязычного читателя с книгами, освещающими те аспекты исторического опыта, которые по тем или иным причинам оказываются наиболее актуальными в современных условиях. Предлагаемая вашему вниманию книга относится к числу именно таких исследований.

На русском языке издается немало работ по экономической истории, но в ряду этой литературы книга Т. Бетелла представляет собой весьма необычное явление. Более того, она в определенной степени уникальна и в мировой исторической литературе, так как представляет собой исключительное по объему привлекаемого материала историческое исследование феномена частной собственности. Автор рассматривает исторический отрезок со времен Древнего Рима и до наших дней, а география исследования включает множество стран, принадлежащих к самым разным культурам и цивилизациям.

Но кроме временного и пространственного охвата работу Т. Бетелла отличает также стереоскопичность описания. Он рассматривает частную собственность сразу в двух аспектах: с точки зрения истории институтов и с точки зрения истории идей. Если институциональная часть исследования содержит множество интереснейших фактов практического опыта человечества, то часть, посвященная интеллектуальной истории, представляет собой весьма полный обзор всего, что было сказано и написано на эту тему философами, экономистами и другими мыслителями. Если политический философ или экономист когда-либо написал что-то важное о связи прав собственности и процветания, то изложение его идей обязательно найдется в этой книге.

Следует особо отметить огромную важность темы данной книги для постсоветских стран, перед которыми по-прежнему остро стоит проблема создания устойчивого и легитимного института частной собственности. Хотя в результате проведенных реформ появился значительный частный сектор, собственники, особенно владеющие средствами производства, постоянно находятся под жестким давлением со стороны бюрократии и политиков-популистов. Уровень правовой защищенности собственности остается низким. Как показывает исторический опыт, описанный и обобщенный в книге Т. Бетелла, в этих условиях вряд ли стоит рассчи-

тывать на долгосрочный успех в том, что касается благосостояния, свободы и безопасности граждан. Поэтому мы считаем, что знакомство с книгой «Собственность и процветание» необходимо в первую очередь тем, кто влияет или рассчитывает влиять на формирование экономико-политического курса в странах постсоветского пространства.

Книга Т. Бетелла отличается легкостью и популярностью изложения и рассчитана на широкую аудиторию. Мы надеемся, что она будет полезна всем, интересующимся экономической историей и экономической политикой.

Валентин ЗАВАДНИКОВ,
Председатель Редакционного совета
Октябрь 2007 г.

Благодарности

Я должен выразить признательность большому числу людей. Долгие годы у меня была возможность возвращаться в институт Гувера и месяцами в нем работать. Я особенно благодарен директору этого института Джону Рейсиану, который любезно повторял свои приглашения, и руководителю программы по связям со средствами массовой информации Тому Хенриксену, оказывавшему незаменимую помощь. Представить себе не могу, чтобы где-либо в мире существовал исследовательский центр лучше Гуверовского, где вам предоставляют кабинет и оставляют в покое. В непосредственной близости от него расположена Зеленая библиотека Стэнфордского университета, явно относящаяся к числу лучших в мире. Среди потрясений и бурь этого мира ее книгохранилище было убежищем для меня. Неподалеку от нее находится юридическая библиотека. О чем еще может мечтать человек?

Я признателен Роберту Хессену, который сообщал мне о новых публикациях в моей области и точно знал, что меня интересует. Я крайне благодарен тем в Гуверовском институте, кто читал отдельные главы и давал ценные предложения: Мартину Андерсону, Арнольду Бейхману, Михаилу Бернштаму, Биллу Иверсу, Сеймуру Мартину Липсету, Гуити Нашату, Алвину Рабушке, Питеру Робинсону, Генри Роуэну, Абрахаму Софаеру. Гуверовский институт довольно основательно заселен экономистами, что дало мне превосходную привилегию обсудить с ними некоторые идеи этой книги, прежде всего с Аароном Директором, Робертом Барро, Гэри Беккером, Дугласом Нортом и Шервином Розеном. Но я не хотел бы приписывать им согласие с моими выводами, и всю ответственность за свои ошибки несу я один.

Ричард Струуп и Джейн Шоу из Центра политико-экономических исследований в Бозмане пригласили меня в Монтану, прочитали текст и дали превосходные советы, которые, я надеюсь, нашли отражение в окончательном тексте книги. Рукопись читали также Лоуэлл Харрис, Дональд Лил, Пол Хейне и покойный Мюррей Ротбард. Я особенно благодарен Уолтеру Олсону из Манхэттенского института, критические замечания которого подтолкнули меня к мгновенному пересмотру некоторых вещей. Должен отметить и чрезвычайно плодотворные дискуссии с Фредом Смитом и его командой из Института конкурентного предпринимательства (Competitive Enterprise Institute).

Впервые я познакомился с экономическим анализом в 1974 г., читая в Newsweek чередовавшиеся колонки Милтона Фридмена и Пола Самуэльсона. Тут я обнаружил, что Фридмен мне всегда понятен, а Самуэльсон — ставит в тупик. Что это за механизм, именуемый «экономикой», и этот «совокупный спрос», который бывает слишком велик или недостаточен? Фридмен писал о личных интересах, в которых всегда был смысл. Регулирование цен создает дефицит, и вот вам энергетический кризис. Через пару лет возникла экономическая теория предложения. Ее логика была понятна. Инфляция несправедливо выдавила людей в область более высоких налоговых ставок, и я помню вдохновенные дискуссии о предельных эффектах, ставках налогообложения и налоговых поступлениях, о ценах и объемах, в которых участвовали Джордж Гилдер, Джефф Белл, Пол Крейг Робертс, Артур Лаффер, Брюс Барлетт, Ховард Седжермарк и др. Рональд Рейган был избран как раз вовремя.

Существовало убеждение, что ставки налогообложения слишком высоки повсюду, как в «третьем мире», так и в первом. Но в конце концов я решил, что большинство стран страдают от более фундаментальных пороков. Прежде всего, у них отсутствует надлежащие правовые и политические основы, жизненно важные для экономического роста. С этого и начинается эта книга. Но истоки ее в дискуссиях 1970-х годов. Если Гуверовский институт был моим университетом, то школа экономики предложения сыграла роль вводного курса экономической теории.

Я работал над этой книгой в промежутках между написанием множества журнальных статей. Я признателен людям из American Spectator: Бобу Тирреллу, Владиславу Плещинскому — за поддержку и Уильяму Ф. Бакли-мл. — за великодушие. Вопросы, затрагиваемые в этой книге, я обсуждал с Джо Собраном, и эти обсуждения были очень полезны для меня. Я хочу особенно поблагодарить Джима Боварда, который прочел рукопись и в критический момент дал ей рекомендацию. Энтузиазм Майкла Фламини оказался весьма кстати и вовремя, а его маленькая группа в издательстве St. Martin's Press, особенно скрупулезнейшие Алан Бредшоу и Билл Берри, посрамили предрассудок, что редактирование — это умершее искусство. Наконец, я очень признателен владельцам Bay Area — Джону и Би Смолли и Карлотте Морис.

Введение

Весной 1990 г. Всемирный банк организовал ряд семинаров по редко обсуждаемым вопросам, так или иначе связанным с банковским делом. Консультант банка Гэбриел Рот попросил меня высказаться о связи между правами собственности и экономическим развитием. На ланче присутствовали около пятидесяти человек из Всемирного банка и Международного валютного фонда. Я сказал, что если страны, с которыми они имеют дело, хотят достичь того же уровня развития, что и США и ряд других стран, им необходимо принять правовой режим, обеспечивающий защиту частной собственности. Можно представить, что какие-то страны предпочтут держаться своих традиций или не захотят беспрерывных потрясений и поисков, сопутствующих системе свободного рынка. Но им нужна ясность в вопросе о целях и средствах. Если им нужны рост производства и модернизация, то суэта с рычагами макроэкономической политики — здесь добавить фискальных стимулов, там немного повысить денежные ограничения — им не поможет. Им придется сделать свои правовые и политические системы более похожими на те, что существуют в Западном мире.

Будучи людьми учтивыми в любых обстоятельствах, профессионалы из Всемирного банка на мои высказывания отреагировали вежливым изумлением. Вопросы задавались скептические. Я почувствовал, что многие из них не согласны, хотя открыто этого никто не сказал. Предполагается, что специализированные институты Организации Объединенных Наций, такие как Всемирный банк и Международный валютный фонд, стоят вне политики и должны воздерживаться от поддержки политических реформ. Если не считать возможности отказать в предоставлении кредитов, они целиком зависят от доброй воли правительств принимающих стран, а большинство из них не склонны к радикальным переменам. Ситуацию усложняет и то, что исторически Всемирный банк всегда был государственным институтом — его кредиты шли на поддержку правительственных проектов. А политика правовой поддержки частной собственности, со своей стороны, ведет к ограничению власти правительства.

Но там я столкнулся с чем-то большим, чем политический прагматизм. Для ряда присутствовавших необходимость частной собственности была, похоже, непривычной рекомендацией. Возможно, непонимание было вежливой формой несогласия. Но некоторые проявили явный интерес к продолжению разговора

и уяснению взаимосвязи между частной собственностью и экономическим развитием. Так зародилась идея этой книги.

После падения Берлинской стены и распада СССР вопрос о собственности вышел из тени и стал предметом оживленных дискуссий. Поскольку институт частной собственности, предполагающий децентрализацию власти и принцип верховенства права, является стержневым для западной цивилизации, возникла нужда в обзорной книге по этому вопросу. Были написаны книги о недопустимости изъятия собственности без должной компенсации в соответствии с пятой поправкой к Конституции США, о суверенном праве государства принудительно отчуждать частную собственность (за компенсацию), о патентном и авторском праве, о воздействии государственной собственности на окружающую среду. Мельчайшие аспекты этих вопросов рассматривались буквально под микроскопом. Не хватало книги, развивающей широкий подход к частной собственности и ее последствиям.

Мне часто приходил в голову образ линзы. Собственность была той линзой, которая позволяет исследовать кажущиеся несвязанными события. После долгого пребывания в пыли интеллектуального чулана сегодня она позволила бы получить четкое представление о широком круге вопросов, в том числе и таких, как процветание империй, упадок Рима, возвышение Великобритании, крах коммунистических экспериментов, голод в Ирландии в XIX веке, экономическая отсталость арабского мира, современная засуха в Калифорнии, распространение пустынь, уничтожение дождевых лесов, исчезновение видов животных и, самая новая тема, повышение интереса к интеллектуальной собственности.

Собственность затрагивает не менее десятка дисциплин. Право, экономика, история, политическая философия, моральная философия, антропология, социология и психология — это только самые важные, и несколько я наверняка пропустил. Поэтому общая книга о собственности должна быть написана более или менее неспециалистом. Там, где эксперты опасаются сделать шаг, любители смело мчатся вперед. Меня больше всего интересовала область, где пересекаются право и экономическая теория, и свет, проливаемый ею на историю.

Экономический анализ похож на подвесной мост. Он может быть воплощением самых передовых достижений инженерного искусства, но в некоей точке он должен опираться на прочную почву права и надежных политических институтов. Однако труды по экономической истории часто оставляют без внимания политические и правовые основания изучаемых обществ. Считается, что экономические результаты вполне удовлетворительно объясняются экономическими фактами. Например, рост — это функция «капиталообразования». Но капитал — это в высшей степени произ-

водная абстракция, всего лишь трос на подвесном мосту. Можно ли утверждать, что вся конструкция опирается на прочное основание независимой судебной системы, защищенных прав собственности, поддерживаемых законом договоров? До самого последнего времени экономисты уделяли мало внимания этим вопросам. Пожалуй, следовало бы вернуться к старому названию — политическая экономия. Речь не о том, что сочетание решительности и прямого политического давления способно преодолеть тонкое равновесие спроса и предложения. Просто дело в том, что политика является неперменным основанием экономики.

Ключевую роль в изменении нашего понимания политической экономии сыграли Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Они утверждали, что экономические отношения представляют собой базисный фундамент общества, а право и политика — это всего лишь надстройка. Хотя при этом причина и следствие в основном менялись местами, но этот подход оказался очень влиятельным. Нападки Маркса на частную собственность известны куда больше, но они имеют преимущественно идеологический характер. Утверждение, что экономические отношения определяют правовые отношения, вызвало мало подозрений, и многие экономисты охотно согласились, что их область столь же независима, как физика и математика. (И, как мы увидим в главе 2, в утверждении Маркса содержалось немало истины, что только усложняет картину.)

Таким образом, я утверждаю, что когда мы возвращаем право на должное место, так что оно опять оказывается впереди экономики, и делаем правовые отношения той твердой почвой, на которую должен опираться мост экономического анализа, у нас появляется возможность по-новому взглянуть на многие исторические события. В таком случае объясняющая историю гипотеза будет звучать так: экономика и цивилизация процветают, когда собственность приватизирована и господствует принцип верховенства права, когда все, в том числе и сами правители, подчиняются одним и тем же законам. Из всех возможных конфигураций собственности только частная собственность может давать этот желательный эффект.

Часть I

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Глава 1

ДАРЫ СОБСТВЕННОСТИ

Немилость

Более ста лет назад институт частной собственности впал в интеллектуальную немилость. Именно к этому важному историческому факту нам следует обратиться в самом начале. Отдельные скептики из числа моих слушателей во Всемирном банке были, несомненно, убеждены, что к концу XX века идеи XVIII столетия слегка устарели. Собственность впадала в немилость постепенно, с самого начала XIX века. А после публикации «Манифеста Коммунистической партии» война с собственностью стала гласной и в конце концов завоевала уважение. Западные интеллектуалы многие десятилетия с презрением относились к идее собственности. Чаще всего это выражалось в ее полном игнорировании.

В 1950-х годах, когда *Encyclopaedia Britannica Inc.* опубликовала список «Великие книги Западного мира», среди 102 пунктов индекса «великих идей» для собственности места не нашлось. Арнольд Тойнби ни разу не вспомнил о собственности в своем 12-томном труде «Постижение истории». Из его высказываний следует, что он не видел существенных различий между государственной собственностью и частной¹. Уильям Мак-Нил в «Восхождении Запада», а также Освальд Шпенглер в «Закате Европы» сочли собственность малосущественной. Трехтомник Фернана Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII века», как и «История цивилизаций» того же автора, почти не уделяет внимания ни собственности, ни праву. Отметив, что причины возвышения Европы издавна занимают ученых, Пол Кеннеди в своем сочинении «Возвышение и закат великих держав» нашел ему объяснение не в политических институтах Запада, а в более материальном факторе — в географии. Европа избежала централизованной тирании главным образом благодаря «отсутствию бескрайних степей, в которых конные орды стремительно устанавливают свое господство»².

В последние десятилетия предложенное Локком обоснование частной собственности (человек заслуживает владеть тем, что создано его трудом) в академических кругах изучали с такой по-

¹ Arnold Toynbee, *Civilization on Trial* (New York: Oxford Univ. Press, 1948), 39.

² Paul Kennedy, *The Rise and Fall of the Great Powers* (New York: Random House, 1987), 16–17.

дозрительностью, которая произвела бы сильное впечатление даже на защитников тирании Стюарта, против которой выступал Локк³. Современные аргументы против Локка, хоть и занимают сотни страниц, совершенно бессильны, потому что доводы в пользу частной собственности не стали бы слабее, даже если бы Локка никогда не было на свете. Источник этих доводов следует искать в человеческой природе, а не в философии XVII века.

Как писал исследователь политики Деннис Койл, в крайне важной области конституционного права «Верховный суд США похоронил права собственности на конституционном кладбище»⁴. К середине 1930-х годов сочли, что экономические права больше не заслуживают конституционной защиты. С 1928 по 1974 год Верховный суд ни разу не согласился рассмотреть дело о районировании [городской застройке]. Гарвардский профессор Ричард Пайпс сообщает, что один исследователь в области детской психологии «выразил удивление тем, что по состоянию дел на 1980 год почти не велись эмпирические исследования и систематические теоретические работы по психологии собственности — об истоках и развитии этого чувства»⁵. И это, добавляет Пайпс, спустя сто лет после того, как Уильям Джеймс высказал предположение о потенциальной значимости психологических аспектов собственности.

В области экономической теории самые популярные учебники, написанные Полом Самуэльсоном и другими, либо обходят молчанием вопросы о собственности, либо излагают их под рубрикой «идеология капитализма»⁶. Почти все учебники, вышедшие после Второй мировой войны, утверждают, что государственная собственность позволяет добиться более быстрого экономического роста, чем частная. Экономист Армен Алчиан из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе обнаружил, что в рубрикате Справочника Американской экономической ассоциации, изданного в середине 1970-х годов, нет отрасли «собственность или права владения». Собственность государственных, неком-

³ О подозрительности к аргументу Локка в пользу частной собственности см.: Jeremy Waldron, *The Right to Private Property* (Oxford: Clarendon Press, 1988); James O. Grunebaum, *Private Ownership* (London: Routledge & Kegan Paul, 1987); Alan Ryan, *Property and Political Theory* (Oxford: Basil Blackwell, 1984); Alan Ryan, *Property* (Milton Keynes: Open University Press, 1987); Andrew Reeve, *Property* (Basingstoke: Macmillan Education Ltd., 1986).

⁴ Dennis J. Coyle, *Property Rights and the Constitution* (Albany, N.Y.: State Univ. of New York, 1993), 3, 4.

⁵ Richard Pipes, "Human Nature and the Fall of Communism," *Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences* 49 (January 1996): 48.

⁶ См.: Campbell R. McConnell, *Economics: Principles, Problems, and Policies*, 10th ed. (New York: McGraw-Hill, 1987), 38.

мерческих и муниципальных организаций подается так, будто «по своему содержанию она не отличается от стандартных прав частной собственности»⁷. В докторантурах, по свидетельству экономиста Стива Чена, права собственности долгое время считались «запретной зоной» в качестве темы докторской диссертации⁸. Обучаясь в 1970-х годах в докторантуре, гарвардский экономист Роберт Барро вообще не слышал упоминаний о правах собственности⁹. Роберт Солоу из Массачусетского технологического института, лауреат Нобелевской премии по экономике за 1987 год, сказал: «Я все же убежден, что институт частной собственности еще нужно обосновать». Он ссылаясь на «озарение» Прудона, что «собственность — это кража»¹⁰.

Такое пренебрежение со стороны экономистов заслуживает внимания. Начиная с Адама Смита самые влиятельные труды по политической экономии*, как тогда называли экономическую теорию, были написаны в то время, когда в силу чрезвычайно высокого уважения к собственности защита ее казалась излишней. Частная собственность считалась «священной». Английские экономисты классического периода не занимались анализом правовых институтов, на существовании которых основывались их рассуждения. Вряд ли будет преувеличением сказать, что к тому времени, когда собственность стала объектом нападков, — к середине XIX века — экономисты почти ничего не написали в ее защиту. Частную собственность «экономисты XIX века принимали и брали как данность, не исследуя», — писал Джон Р. Коммонс

⁷ Armen Alchian, предисловие к кн.: *The Economics of Property Rights*, ed. Eirik Furubotn and Svetozar Pejovich (Cambridge, Mass.: Ballinger Publishing Co., 1974), xiii.

⁸ Steven N. S. Cheung, "The Contractual Nature of the Firm," *Journal of Law and Economics* 26 (April 1983): 20.

⁹ Роберт Барро, интервью с автором, февраль 1988 г.

¹⁰ Robert Solow, in Arjo Klamer, *Conversations with Economists* (Totowa, N. J.: Rowman and Allanheld, 1983), 130—31.

* Первоначально слово «экономия» относилось к решениям семьи относительно собственного имущества. «Политическая экономия», вошедшая в употребление в XVIII веке, распространила анализ на всю страну. Адам Смит писал, что «развитие благосостояния в разные периоды у разных народов» породило «неодинаковые системы политической экономии по вопросу о способах обогащения народа». Только в конце XIX века *политэкономия* уступила место *экономической теории* [*economics*]. «Основы экономической науки» Альфреда Маршалла были первой большой работой, в которой эта наука называлась по-новому. Это изменение совпало с использованием математических методов для решения ряда проблем, так что экономическая теория оказалась связанной не с политикой, а с наукой, и престиж ее повысился. С тех пор большинство экономистов не желало расставаться с новым престижем. Но жизненная важность политических и правовых институтов для экономической жизни заставляет признать, что лучше было бы вернуться к термину «политэкономия».

в книге «Правовые основания капитализма»¹¹. Как данность она принималась и в совсем недавнее время — причем теми, для кого экономическое развитие было областью профессиональных интересов.

Дары частной собственности

Возможно, многочисленные дары системы частной собственности именно из-за своей особой истории так и не стали предметом тщательного исследования. Предмет этот очень обширен, и в такого рода вводной работе его можно лишь кратко обрисовать. Но есть четыре основных дара, которые нелегко реализовать в обществе, лишенном защищенной, децентрализованной частной собственности, а именно: свобода, справедливость, мир и процветание. Главный довод этой книги сводится к тому, что частная собственность есть необходимое (хотя и недостаточное) условие этих крайне желательных плодов общественной жизни.

К настоящему времени связь между свободой и собственностью понимается достаточно хорошо. Лев Троцкий давным-давно отметил, что в отсутствие частной собственности государство, угрожая голодной смертью, может добиться беспрекословного повиновения¹². Экономист Милтон Фридмен, лауреат Нобелевской премии по экономике, сказал, что «общество не может быть свободным в отсутствие частной собственности»¹³. Но эту элементарную истину не понимали сто лет назад, когда интеллектуалы пришли к мнению, что частная собственность — малозначимый институт. Лишь практический опыт коммунизма кардинально переменял отношение. Жившие в условиях коммунистической тирании быстро поняли, что в отсутствие прав собственности все остальные права не значат ничего, или почти ничего. Ангелам и духам собственность, разумеется, не нужна, но люди еще не обрели подобную бестелесность.

Частная собственность — компромисс между нашим стремлением к неограниченной воле и признанием того, что другие обладают сходными желаниями и правами. Это способ быть свободным и «защищенным от свободы других», как писал Джеймс Бойл, профессор права Американского университета¹⁴. В наши

¹¹ John R. Commons, *The Economics of Collective Action* (New York: Macmillan, 1950), 43.

¹² Leon Trotsky, *The Revolution Betrayed* (New York: Doubleday, Doran & Co., 1937), 76.

¹³ Милтон Фридмен, интервью с автором, февраль 1988 г.

¹⁴ James Boyle, *Shamans, Software, and Spleens* (Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1996), 47.

дни неприкосновенность частной жизни стала завидным благом, и американские суды раскопали право на нее в намеках и положениях конституции. Но очевидно, что неприкосновенность частной жизни недостижима без предваряющего ее уважения к частной собственности.

Права — это защита от государства, а собственность — могучий оплот против государственной власти. В обществе, уважающем и защищающем собственность, последняя всегда распределена, строго говоря, неравномерно, и она столетиями представлялась в качестве *выражения* власти; тем не менее, подобно любым подлинным правам, право собственности защищает слабых от сильных. Европейских иммигрантов когда-то поражало в Соединенных Штатах то, что мелкая собственность здесь защищена не хуже, чем крупная. («Закон этой страны устроен так, что каждый может безопасно владеть своей собственностью, — сформулировала оказавшаяся в Мэриленде группа переселенцев из Германии. — Самый жалкий человек здесь защищен от притеснения самых могущественных»¹⁵.) Новых иммигрантов восхищало то, что в Соединенных Штатах можно приобретать собственность, не давая взятку. Сегодня призыв к защите прав собственности в странах «третьего мира» — это не попытка помочь богатым. В защите собственности нуждаются не те, у кого есть доступ к счетам в швейцарском банке. Она нужна малым и ненадежным пожиткам бедняков. Этот ключевой момент превосходно сформулирован в первой и лучшей из социальных энциклик католической церкви. В *Rerum Novarum* (О положении трудящихся), опубликованной в 1891 году, папа Лев XIII написал, что «главное основание социализма, общность имущества, следует всецело отвергнуть, ибо это причинило бы вред именно тем, кому должно бы принести пользу»¹⁶.

Институт частной собственности играет ключевую роль и в установлении справедливости в обществе. Это один из главных аргументов в его пользу, однако на связь частной собственности и справедливости указывают крайне редко — главным образом потому, что социальная справедливость понимается как распределение уже существующих благ. Неравенство приравнивается к несправедливости. И все же именно власть частной собственности делает людей ответственными за свои действия в сфере материальных благ. Эта система гарантирует, что люди на практике узнают последствия своих действий. Собственность ограждает нас и, кроме того, окружает нас зеркалами, обращающими на нас по-

¹⁵ James W. Ely, Jr., *The Guardian of Every Other Right: A Constitutional History of Property Rights* (New York: Oxford Univ. Press, 192), 16.

¹⁶ Pope Leo XIII, *On the Condition of the Working Classes (Rerum Novarum, 1891)* (Boston: St. Paul editions, n. d.), paragraph 23.

следствия нашего собственного поведения. И бережливый, и рачитель, как правило, получают по заслугам. В силу этого общество, основанное на частной собственности, движется к институционализации справедливости. Как сказал профессор Джеймс К. Уилсон, собственность — это «мощное противоядие против необузданного эгоизма»¹⁷.

Собственность — это к тому же и наиболее миролюбивый из институтов. В обществе, основанном на частной собственности, блага можно либо добровольно выменять, либо создать упорным трудом. Пока государство защищает права собственности, блага нельзя просто отнять силой. Более того, общество, правовые институты которого поощряют создание богатства, представляет меньшую угрозу богатству соседей. Напротив, в соседних обществах с коллективной собственностью будут процветать шайки грабителей и налетчиков. Кроме того, частная собственность позволяет стране достаточно разбогатеть для того, чтобы защититься от агрессивных соседей, что снижает вероятность конфликтов.

Частная собственность и рассредоточивает власть, и в то же время защищает нас от насилия. Она позволяет нам составлять собственные планы и использовать информацию, которой располагаем только мы. Она предоставляет нам беспрепятственную свободу действий в рамках автономной сферы. Люди не только получают возможность строить планы, но и в определенной степени оказываются вынуждены делать это. Тем не менее на протяжении большей части XX столетия и вплоть до самого недавнего времени большинство стран устремлялось в прямо противоположном направлении. Почти везде власть была централизована, а собственность — национализирована. Там, где эта тенденция достигла предела, — в централизованно планируемых экономиках коммунистических стран — группа «мозговых центров» в центре планировала за всех. Большинство людей превратилось, по сути дела, в бездумные орудия. Вот почему в этих странах установился тиранический режим — государство вступило в борьбу с естественными склонностями людей.

Между собственностью и процветанием существует естественная внутренняя связь. Основой рыночной деятельности является обмен, а когда блага находятся в коллективной собственности, обменять их не так-то легко. Поэтому экономика свободного рынка может быть построена только на базе частной собственности. Права собственности, как отмечают Дэниел Ергин и Джозеф Станислав в «Командных высотах», — это «фундамент рыночной

¹⁷ James Q. Wilson, "A Cure for Selfishness," *Wall Street Journal*, March 26, 1997.

экономики»¹⁸. Верно и то, что знание о существующем в обществе укладе собственности является предпосылкой экономического анализа, а экономическая теория должна выявить весь спектр влияний именно этого уклада. Частное владение позволяет людям «оценивать» то, чем они владеют (в бытовом и финансовом смысле), и «реализовывать» эту ценность. Это позволяет им решать, сколько предлагать или требовать за то или иное благо.

Связь между процветанием и частной собственностью стали признавать лишь недавно. Долгое время полагали, что плановая и централизованно управляемая экономика может усовершенствовать свободный рыночный порядок. Но оказалось, что распоряжения не обладающих собственностью чиновников не заменяют безбрежного многообразия рыночных оценок и рыночного обмена. Основной экономической иллюзией социализма была вера в то, что планирующие органы способны на это и могут достичь результата, производимого частной собственностью, или даже лучшего, потому что они якобы более справедливы.

Сквозь призму собственности

Взгляд сквозь призму собственности делает понятным неизменное и неожиданное превосходство Запада во второй половине XX века после Второй мировой войны. Страны, обладавшие развитой частной собственностью до того, как мир в ней разочаровался, по-прежнему имели реальный рост экономики. А новые постколониальные страны, экспериментировавшие с непроверенными методами, терпели неудачи. Когда Советы оказались у власти, статистические манипуляции представили удручающие достижения коммунизма в приукрашенном виде. И это жульничество продолжалось десятилетиями. Поэтому долгое время марксистская критика частной собственности, в соответствии с которой она была лишь служанкой классовых интересов, казалась вполне обоснованной. Создавалось впечатление, что система централизованного планирования прекрасно работает и без нее. Тем самым подлинная роль частной собственности в экономической жизни затушевывалась. Если уж самый популярный в Америке учебник по экономической теории не далее как в 1987 году утверждал, что «в послевоенный период темпы роста в СССР были в целом выше, чем в США»¹⁹, как можно было говорить, что частная собственность является неперемennым условием экономического роста?

¹⁸ Daniel Yergin and Joseph Stanislaw, *The Commanding Heights* (New York: Simon & Schuster, 1998), 377.

¹⁹ McConnell, *Economics*, 904.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru